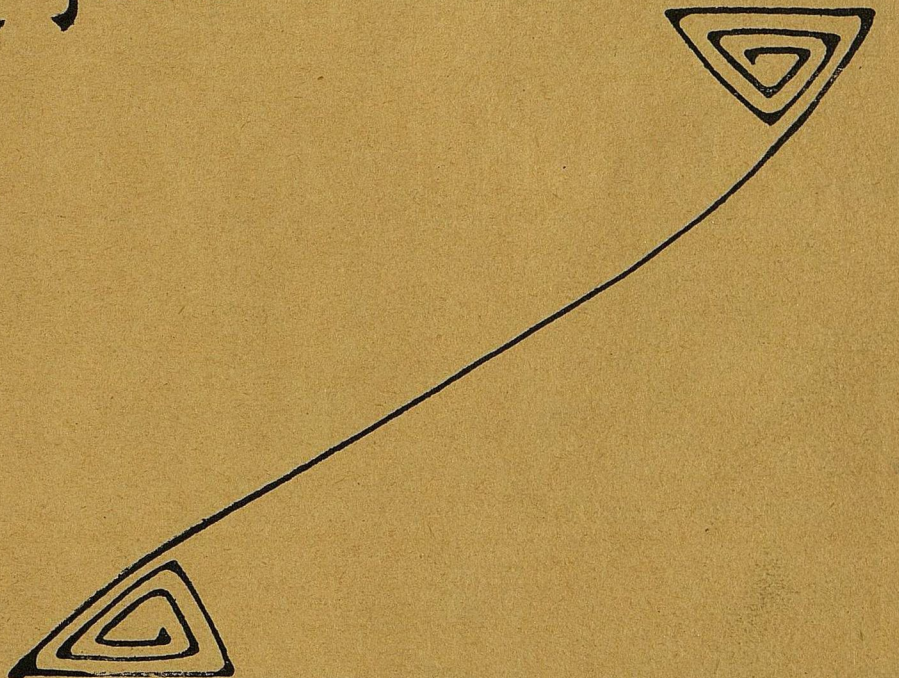

ДЕТСКИЙ МИР

№ 4.

28 февраля
1907 г.

Продолжается Подписка

на **НОВЫЙ** популярно-образовательный и литературно-художественный иллюстрированный

журналъ для **ДѢТЕЙ** 9—12-лѣтняго возраста,

„ДѢТСКІЙ МІРЪ“

Журналъ ставитъ своей задачей оказывать нравственное вліяніе на зарождающееся сознание молодыхъ читателей и удовлетворять запросы пытливаго дѣтскаго ума о различныхъ явленіяхъ внѣшняго міра.

Въ программу журнала входятъ: повѣсти, рассказы, стихотворенія, популярныя статьи по гигиенѣ, зоологіи, ботаникѣ, физикѣ, химіи, механикѣ (опыты и задачи), біографіи ученыхъ, художниковъ, писателей, общественныхъ дѣятелей; легкія музыкальныя произведенія; шутки, загадки, ребусы и пр.

Журналъ помѣщаетъ повѣсти, рассказы, только взятые изъ жизни, и избѣгаетъ страшныхъ сказокъ и всего неестественнаго, что можетъ вредно отзываться на нервной системѣ дѣтей.

Религіозные вопросы журналъ освѣщаетъ преимущественно со стороны точнаго толкованія Евангелія.

Журналъ держитъ дѣтей вдали отъ политическаго движенія страны; на запросы же своихъ читателей отвѣчаетъ, придерживаясь идей всеобщаго равенства.

Журналъ выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ безъ всякихъ приложеній.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ 3 рубля съ пересылкой, допускается разсрочка по 1 рублю при подпискѣ, 1-го марта и 1-го іюня.

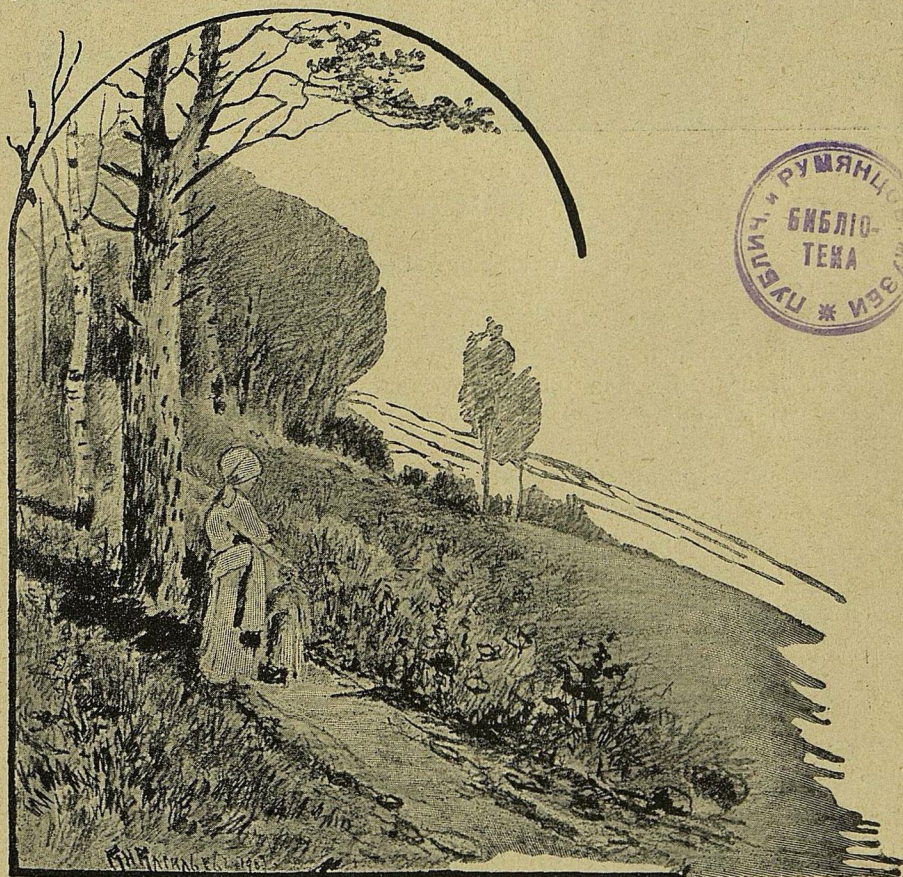
Контора Редакціи: Москва, Мясницкая, 35. Тел. 94-02.

Секретарь Редакціи принимаетъ по понедѣл. и средамъ отъ 1 до 3 ч. дня.

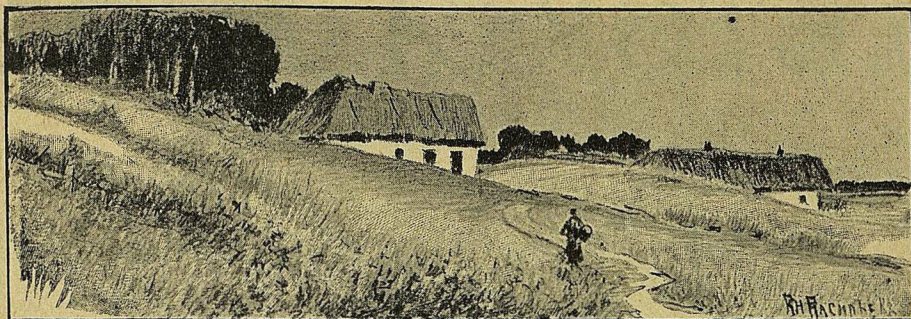
Редакторъ-Издатель Н. И. ФИДЕЛЛИ.

ДѢТСКІЙ МІРЪ

№ 4.

28 февраля
1907 г.

Нищая.

(Съ французскаго).

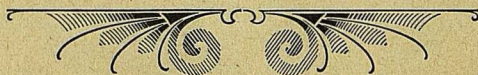
Не смѣйтесь, прошу васъ, надъ просьбой моей;
Дайте мнѣ хлѣба немного.
Я вѣдь не ѣла ужъ нѣсколько дней;
Я голодна... Ради Бога!

Прошу: не отриньте вы просьбу мою,
Причину вамъ сердце подскажетъ;
Вчера схоронила я маму свою...
Не лгу я—Господь пусть накажетъ!

Я знаю, что въ жизни должны мы страдать;
Но больше возможности нѣтъ...
Не бросьте жъ меня здѣсь одну умирать,
Вѣдь мнѣ еще только шесть лѣтъ.

Вспомните: завтра вѣдь праздникъ большой;
Я жъ здѣсь на морозѣ одна...
Сжальтесь! О, сжальтесь, молю, надо мной.
Хлѣба мнѣ! хлѣба! я голодна!

Н. Я.

Царевна-Счастье.

Сказка.

Когда въ тихую лѣтнюю ночь, изъ за чернаго кружева лѣса, покажетъ мѣсяцъ сверкающій ликъ свой и зальетъ уснувшую землю серебристымъ сіяніемъ, все принимаетъ особый таинственный видъ... все живетъ невѣдомой, сказочной жизнью. Въ шелестѣ листвы задумчиваго лѣса, въ плескѣ рѣчной волны о сонный берегъ, въ набѣжавшемъ вѣтеркѣ и шопотѣ травы,—всюду слышится сказка. Всюду чудятся сказочные образы, все оживаетъ: и черныя тѣни деревъ, и яркіе просвѣты мѣсяца и голубой туманъ рѣки.

На высокомъ берегу дремлютъ величественныя развалины княжескихъ палатъ, залитые свѣтомъ мѣсяца, яркой бѣлизной сверкають стѣны, чернотой зіяють окна и двери, а кудрявый плющъ любовно обвиваетъ древнія стѣны и украшаетъ ихъ прихотливыми узорами.

И тамъ, въ этихъ развалинахъ величественнаго прошлаго, пробуждается жизнь. Вглядишься и чудишься: свѣтъ таинственно разливается внутри, скользитъ по расписнымъ стѣнамъ и подъ нимъ оживаютъ краски,—сверкаетъ позолота, всюду движеніе, жизнь, сверкають богатые парчевыя одежды, искрятся огоньки самоцвѣтныхъ камней, горятъ латы, кольчуги богатырей. Прислушайтесь, и къ вамъ донесутся звуки струнъ и пѣніе гуслиаровъ, звонъ заздравныхъ чаръ и клики пирующей дружины...

То робкій вѣтерокъ скользитъ въ развалинахъ и нашептываетъ сказку...

Давно это было! такъ давно, что старики сказать не могутъ. И видѣли это только разрушенныя стѣны эти и этотъ мѣсяцъ, который, какъ сейчасъ, такъ и тогда серебрянымъ щитомъ величаво плылъ въ темной синевѣ, рассыпая серебряные лучи, а звѣздочки почтительно уступали дорогу...

Могучъ и славенъ былъ старый князь, необозримы владѣнія его, неисчислимы богатства, а слава о мудромъ правленіи доходила до далекихъ предѣловъ. Добрые сосѣди любили его, злые боялись. Изъ отдаленныхъ странъ богатыри и витязи пріѣзжали на поклонъ къ нему, а пріѣхавъ, дивились его радушію, красотѣ привѣтливой

княгини, богатству и почету, возвращались назадъ обласканные, нагруженные дарами и развозили по бѣлому свѣту славу о немъ. Гусляры слагали пѣсни въ честь князя и княгини и пѣли на пирахъ о нихъ.

Не вѣдали только люди, что среди богатства и могущества, не было полного счастья для стараго князя и княгини,—глубокое горе лежало на сердцахъ ихъ, безысходная печаль-тоска не покидала князя ни въ дѣлахъ, ни въ забавахъ княжескихъ. Не было дѣтей у нихъ, не было сыночка, на котораго могли бы любоваться и радоваться, которымъ могли бы гордиться, на кого бы могли надѣяться... Горько задумывался князь: кому онъ передастъ богатства свои, кто наслѣдуетъ славу его, кто утѣшитъ ихъ старость. Печальная, одинокая приближалась она...

Внялъ Господь горячей мольбѣ доброй княгини и послалъ имъ давно желаннаго сына. Великое ликованіе было по всему княжеству! Небывалое счастье и гордость наполнили сердце княжеское... И по приказу его загремѣлъ пиръ на весь міръ. Растворились подвалы глубокіе съ богатствами несчетными; щедрой рукой разсыпалась казна-золото, матеріи дорогія, бѣдному люду раздавались яства въ изобиліи, рѣкой лились пиво и меды разные, пылали потѣшные огни, звонили колокола, гремѣли трубы и неслись клики заздравные...

И длился пиръ не день, не два, а цѣлую недѣлю. Со всѣхъ концовъ изъ иноземныхъ царствъ съѣхались князья и царскіе послы, и витязи и именитые бояре, встрѣчали ихъ почетомъ и привѣтомъ, сажали за дубовые столы. И длился небывалый пиръ и днемъ и ночью. Счастливый князь своими руками новорожденного сыночка изъ драгоцѣнной колыбельки вынулъ и въ кружевныхъ пеленкахъ на боевомъ своемъ щитѣ къ дружинѣ вынесъ и къ гостямъ пріѣзжимъ, и дрогнули стѣны палатъ отъ могучаго заздравнаго кличка и пронесся тотъ кликъ по всему княжеству отъ края до края—а пиръ длился...

Была глубокая ночь. Безчисленными огнями свѣтились палаты, оттаявшія восковыя свѣчи лили свои слезы, пламя ихъ колыхалось, по стѣнамъ двигались богатырскія тѣни, падалъ свѣтъ на разгоряченныя раскраснѣвшіяся лица, скользилъ по золотымъ чарамъ, драгоцѣннымъ одеждамъ, богатому оружію, игралъ въ самоцвѣтныхъ камняхъ... Звонъ струнъ и пѣнье гусляровъ, и смѣхъ и говоръ, слились въ непрерывный гулъ... Но вотъ князь встаетъ и высоко

поднимаетъ чару, и мигомъ смолкли гусли, стихли говоръ и смѣхъ, и водворилась тишина до самыхъ отдаленныхъ сѣней... Плавнымъ потокомъ зазвучала здравица могучаго князя; онъ пилъ во здравіе иноземныхъ гостей, благодарилъ за почетъ и обѣщалъ быть имъ другомъ, пилъ во здравіе именитыхъ бояръ, богатырей, витязей, цѣня ихъ мудрые совѣты и подвиги, онъ пилъ во здравіе своей дружины, которая вѣрна была ему долгіе годы, въ мирѣ и въ ратномъ дѣлѣ и ей онъ поручалъ своего любимаго сына... Смолкла рѣчь князя и все ожило вновь, зашевелилось, задвигались лавки, столы, зазвенѣло оружіе витязей, зазвенѣли чаши, каждый спѣшилъ подойти къ князю... и вдругъ снова тишина... Остановились поднятыя руки и видятъ всѣ: какъ грозно сдвинулись брови могучаго князя и огненный взоръ его приковался къ одному изъ столовъ, оглянулись пирующие и диву дались!.. за однимъ изъ столовъ, среди нихъ сидитъ невѣдомый чело-вѣкъ—странникъ или нищій, съ усталымъ видомъ, изнуреннымъ лицомъ, лохмотья облекли старческое тѣло и ветхая обувь его была покрыта пылью.

Изумились пирующие, какъ ранѣе не видѣли его, волной отпрянули они отъ стола и остался старикъ одинокимъ, смиренно вкушалъ онъ хлѣбъ, держа его дрожащими старческими руками...

Грозно зазвучала рѣчь князя. Кто знаетъ? не закрылось ли въ ту минуту сердце его, переполненное собственнымъ счастьемъ? не затмила ли гордость его свѣтлый разумъ? или просто зазорно показалось ему передъ иноземными гостями и именитыми людьми? и молвилъ онъ жестокое слово: „Откуда явился ты, невѣдомый чело-вѣкъ, и занялъ среди насъ неподобающее тебѣ мѣсто? зачѣмъ печальнымъ видомъ своимъ пришелъ ты смущать веселье наше? твое мѣсто среди челяди, тамъ накормятъ тебя, встань, оставь мѣсто свое и иди куда тебѣ надлежитъ“... Замолкли слова князя, глубокая тишина настала вокругъ и не слышно дыханій, какъ будто во всей обширной палатѣ не было ни души. Только свѣчи продолжали лить свои восковыя слезы, и удары ихъ мѣрно звучали въ мертвой тишинѣ...

Медленно поднялся старикъ, положилъ обратно хлѣбъ, взялъ свой посохъ и вдругъ весь словно преобразился: его старческія очи засверкали невѣдомымъ огнемъ, простеръ онъ къ князю дрожащую руку и сказалъ: „Князь! я усталъ—ты не далъ мнѣ отдохнуть, я го-лодень—ты взялъ у меня хлѣбъ. Князь! гордость ослѣпила тебя, ты не оцѣнилъ счастья своего, но твой сынъ найдетъ его, только въ тотъ

день, когда послѣднюю свою корку хлѣба раздѣлить съ нищимъ "... Среди тишины рѣчь старца рѣзко звучала, каждое слово звенѣло, какъ ударъ меча о стальную кольчугу, стихъ онъ,—и все встрепенулось; дерзновенными показались присутствующимъ слова нищаго, кинулась челядь къ столу и... остановилась въ недоумѣніи... Исчезъ невѣдомый старикъ и никто не видѣлъ куда, и задумались гости, а князь опустилъ орлиныя очи долу, — не вынесли они огненнаго взора старца. — Пиръ продолжался, снова зазвенѣли струны, запѣли гуслиры, зазвучали чаши, но смутно было у всѣхъ на душѣ, а на чело князя легла глубокая дума и онъ силился согнать ее... И долго еще въ ушахъ пирующихъ звучали слова старика, и звонъ гуслей не могъ заглушить ихъ, и долго всѣмъ чудился диковинный образъ его.

Вереницей неслись дни и ночи, не по днямъ а по часамъ росъ и хорошѣлъ молодой княжичъ. Много, много разъ солнышко, вставая по утрамъ, привѣтливо встрѣчало мальчугана ласковыми лучами, согрѣвало его, румянило его щечки, золотило кудри его. Много, много разъ ночью среброликій мѣсяцъ заглядывалъ въ окна палатъ и ронялъ свои голубые лучи въ драгоценную колыбельку и на личико спящаго малютки и показывалъ ему чудные сказочные сны. Мчались годы. Княжичъ сталъ юношей. Приставилъ отецъ къ нему стараго преданнаго дядьку, приказавъ беречь пуще глаза,—а особенно наказалъ всѣмъ, чтобы никто не смѣлъ рассказывать о дивномъ старикѣ на пиру и его предсказаніи. Даже слово „счастье“ не велѣлъ поминать при немъ, а за ослушаніе старый князь пригрозилъ смертию.

Только трудно было скрыть горе-заботу самому князю, счастье оставило его, ни въ чемъ ему не стало удачи; бѣда за бѣдой посѣщали княжество, обѣднѣлъ народъ, пробовалъ князь помогать и опустошилъ богатства свои, война не приносила побѣдъ, а тутъ сосѣди поднялись, тѣ самые, что клялись въ вѣчной дружбѣ, вторгались во владѣнія его, опустошали ихъ, а жителей въ полонъ уводили. Покорно склонялъ свою гордую голову князь передъ несчастьями... только за участь сына боялся и душой скорбѣлъ. Что сулили ему слова старика? До чего онъ, его любимый сынъ дойти долженъ, если послѣднюю корку хлѣба долженъ будетъ отдать нищему? Не понятно это было князю какое же это счастье?

Выросъ княжичъ, сталъ красавцемъ-витяземъ и былъ у него разумъ свѣтлый, сердце доброе и сила богатырская. Но тутъ то онъ

и сталъ замѣчать, что великая тайная скорбь разлита вокругъ, что не сходитъ никогда съ высокаго чела отца князя глубокая дума, что не осушаются отъ слезъ глаза княгини матери, что сумрачны лица бояръ и дружины, а старый дядька мѣста себѣ не найдетъ какъ только увидить, что онъ, княжичъ, задумается и спросить хочеть. Никто не даетъ отвѣта молодому князю и сталъ подъ конецъ онъ самъ печальный. Вотъ принялся онъ разъ допытываться у дядьки, упрекать сталъ старика, что тотъ его не жалѣеть, правды сказать не хочеть; не выдержалъ дядька, повѣдалъ княжичу, все разсказалъ ему... Какъ ни грустно было слышать тому, все-таки на сердцѣ какъ будто легче стало какъ узналъ правду, знаетъ онъ чего теперь желать, чего добиваться,—повеселѣлъ княжичъ. Провѣдалъ о томъ старый князь, распалился онъ гнѣвомъ великимъ, приказалъ старика-дядьку казнить, но тутъ выступилъ молодой князь и сказалъ: „Прикажи, батюшка, и меня вмѣстѣ съ нимъ казнить, я также виновенъ, твой наказъ преступилъ, его допытывалъ“... Задумался старый князь и помиловалъ дядьку.

И сталъ царевичъ опять всюду дознаваться, что это за счастье такое? какое оно? гдѣ искать его? Но кого онъ ни спрашивалъ, никто не могъ толкомъ разсказать ему,—одно понялъ онъ, что счастья въ ихъ княжествѣ нѣтъ, ни въ палатахъ, ни въ хижинахъ и что значить оно далеко, а гдѣ, никто не знаетъ...

И опять сталъ задумываться княжичъ,—какъ же добыть его? гдѣ искать? И чудилось ему, какъ бы онъ нашелъ его,—это счастье добылъ и принесъ бы съ собой сюда и какъ бы просвѣтлѣло лицо отца и матери и окружающихъ и какъ бы озарилась радостью страна...

Сильно беспокоила и огорчала задумчивость сына стараго князя, пробовалъ онъ разсѣять, уговорить его, просилъ потерпѣть, покорно ждать,—счастье-де само придетъ и вернется оно въ богатствѣ и воинскихъ удачахъ. Печально качалъ головой молодой княжичъ, не вѣрилъ онъ этому, а когда припоминалъ слышанныя отъ дядьки слова старика, не могъ понять ихъ...

Время шло и насталъ день когда снова ожили княжескія палаты, запылали огни, зазвучали чары, загремѣли здравицы. Такъ праздновалъ старый князь совершеннолѣтіе своего сына. Но самъ княжичъ сидѣлъ на пиру, задумчиво опустивши на руку русую голову свою и думалъ онъ свою неотвязную думу: гдѣ счастье? какъ найти его? Ни

шумные клики дружины, ни говоръ и смѣхъ гостей не могли отвлечь его. Созвалъ старый князь лучшихъ гусяровъ княжества, но какъ ни перебирали струны гусяры, ихъ старыя прискучившія пѣсни не могли прогнать думъ молодого князя, ни развеселить окружающихъ.

Только въ самый разгаръ пира изъ толпы гусяровъ поднялся одинъ старый гусярь и тутъ только всѣ увидѣли что по виду и одеждѣ онъ издалека и подивились, что не слышали его до сей поры. Просить гусяря могучаго князя дозволить и ему спѣть на утѣху пирующимъ; согласно кивнулъ головой ему князь, только сдвинулись густыя брови и сердце замерло словно отъ мрачнаго предчувствія. запѣлъ гусярь и при первыхъ словахъ пѣсни вострепнулся молодой князь, какъ соколъ завидѣвшій добычу, вперилъ очи въ гусяря, каждое слово ловить... Всколыхнулось собраніе и настала тишина. Затаили дыханіе всѣ, звукъ бояться проронить. И пѣлъ гусярь... Пѣлъ онъ о далекой дивной сторонѣ, гдѣ свѣтитъ ярче солнышко, гдѣ громче поютъ птицы, ярче цвѣтутъ цвѣты и душистѣй ароматы ихъ, гдѣ деревья гнутся подъ тяжестью золотыхъ плодовъ и серебряныя рѣки плавно текутъ межъ изумрудныхъ береговъ. Онъ пѣлъ о вѣчномъ счастьи и радости, что царствуетъ въ той странѣ, и нѣтъ тамъ мѣста ни горю, ни злобѣ и властвуетъ тамъ дивной красоты царевна и зовутъ ее Счастьемъ; и какъ люди наслышавшись о ней готовы были жизнь отдать, чтобы хоть разъ взглянуть на нее... Онъ пѣлъ о роскошныхъ волшебныхъ чертогахъ, гдѣ обитаетъ она, и ея сподвижницахъ: правдѣ и милосердіи, помогающихъ ей править страной, гдѣ царили миръ и любовь... И отъ словъ той пѣсни растворялись сердца присутствующихъ и слезы радости дрожали на рѣсницахъ. Кончилъ гусярь... и долго не могли придти въ себя пирующие. Просвѣтлѣло лицо княжича, быстро поднялся онъ и тутъ подивились всѣ, какимъ дивнымъ свѣтомъ озарилось лицо его, какимъ необычнымъ огнемъ вспыхнули ясныя очи. „Гусярь! звучно сказалъ онъ, гдѣ дорога въ страну ту? Гдѣ найти царевну-Счастье?. И въ отвѣтъ на это снова запѣлъ гусярь и пѣлъ о томъ, какъ многіе пытались добыть ту царевну, какъ странствовали по свѣту, одни, ослабѣвъ, возвращались, другіе—падали на пути обезсиленные, третьи отдавали на это всю жизнь, были такіе, что ошибались и принимали другое царство за счастливое, не смогли отличить царевны и погибали отъ ошибки. Далека и трудна та дорога!.. Были и такіе, что находили завѣтное царство, но въ слѣпотѣ не признавали ца-

ревны, иные пробовали добыть ее, но не хватало мужества, слабѣли силы и снова за предѣлами той страны становились они несчастными,—далека и трудна дорога туда, невѣдомо гдѣ лежитъ она, но ищущіе находятъ ее. Умолкъ пѣвецъ... Была тишина... Долго стоялъ задумавшись княжичъ... Вотъ тряхнулъ онъ роскошными кудрями своими, бодро подошелъ къ отцу и опустившись передъ старымъ княземъ на колѣна, сказалъ: „Батюшка! отпустите меня, я найду то царство, я добуду царевну, я верну счастье нашему княжеству...“ Ахнула вся палата, дрогнули въ рукахъ поднятыя чаши, опустилъ голову старый князь...

Много слезъ пролила добрая княгиня, разомъ на десять лѣтъ постарѣлъ могучій князь,—но насталъ день, когда юный княжичъ простался съ ними. Отпустилъ съ нимъ отецъ вѣрную свою дружину оставилъ при немъ дядьку преданнаго, снабдивъ его казной, а княгиня благословила любимаго единственнаго сына,—не надѣялась увидѣть его она...

Бодрый, веселый, полный надеждъ помчался онъ на своемъ дивномъ скакунѣ впереди дружины,—и долго старый князь и княгиня, обезсиленные горемъ, прислонясь къ узорчатымъ косякамъ палатъ, смотрѣли въ ту сторону, гдѣ скрылся свѣтъ очей ихъ, единственное дѣтище и крупныя слезы алмазами катились изъ глазъ ихъ. Тихо стало съ той поры въ княжескихъ палатахъ...

Весь Божій міръ широкой дорогой лежитъ передъ молодымъ княземъ. Сердце его горѣло желаніемъ, юная кровь кипѣла въ жилахъ, сила и молодость жаждали исхода. А думы его были заняты мечтами о счастливомъ царствѣ... Одна бѣда,—никто не зналъ, никто не могъ сказать въ какую сторону путь направить и ѣхать онъ на угадъ. Изъ конца въ конецъ, изъ края въ край проѣзжалъ онъ страны и государства, гдѣ ѣхали они миромъ и встрѣчались почетомъ, гдѣ встрѣчались съ врагами и пробивались оружіемъ. Усталый замученный, иногда останавливался онъ, принимался разспрашивать,—одни не понимали его, не вѣрили въ такое царство и смѣялись надъ нимъ, другіе указывали ему, но это не было царствомъ счастья и царевну всѣ разное представляли себѣ. Были и такіе, что глубоко вѣрили въ дивную страну и царевну, но каждый изъ нихъ указывалъ путь тотъ, который ему самому по душѣ былъ, а это не былъ настоящий путь... И вотъ снова ѣдетъ княжичъ, гдѣ, гдѣ онъ не былъ, чего не повидалъ, а вѣрная дружина безропотно шла за нимъ и дѣ-

лила съ нимъ усталость, труды и опасности. Гдѣ могъ, въ пути творилъ онъ добро, заступался за слабыхъ и обиженныхъ, гдѣ нужно было громилъ оружіемъ злыхъ,—и люди прославляли его подвиги.

Время шло. Миноваль годъ, другой, все ѣдетъ бѣдный княжичъ и все безнадежнѣй кажется ему даль. Ёдетъ онъ усталый, измученный тѣломъ, съ изстрадавшимся сердцемъ и видя это, дружина жалѣла его и дядька принялся уговаривать его вернуться, сталъ говорить объ отцѣ, объ матери и только еще тяжелѣе стало бѣдному княжичу. Замѣтилъ онъ, что кони дружины совсѣмъ притомились и сами они въ конецъ обезсилили и подумалъ: „за что я другихъ мучаю? пусть отдохнутъ они. „Вотъ выбралъ онъ мѣсто и наказалъ имъ остаться здѣсь и ждать его, а дальше онъ поѣдетъ одинъ. Какъ они ни просили, ни молили его, не хотѣлось имъ разставаться со своимъ любимымъ княжичемъ,—не сдался онъ, даже дядька не позволилъ сопровождать себя, только въ утѣшеніе имъ сказалъ, что коли въ теченіе трехъ дней не найдетъ дороги въ завѣтное царство или того, кто укажетъ туда путь, то вернется къ нимъ.

Ёдетъ княжичъ одинъ, да недалеко отъѣхалъ, слышитъ кто-то изъ силъ выбивается, догоняетъ его,—оглянулся,—старый дядька... Хотѣлъ было онъ разсердиться на него, да какъ увидалъ худого измученнаго старика, что едва на лошади держится, духу отъ усталости перевести не можетъ, на него смотреть и въ старческихъ глазахъ слезы дрожатъ,—взяла его за сердце жалость; оцѣнилъ княжичъ его преданность и дозволилъ ему за собой слѣдовать. Долго ѣхали они,—день, ночь, опять день, дорога становится все труднѣй непроходимѣе. Не взяли они пищи съ собой, не было у нихъ питья, по дорогѣ ручейка не попадалось, выбились они изъ силъ, вотъ, вотъ съ коней свалятся,—да и кони стали спотыкаться.. Пожалѣлъ коня молодой князь, слѣзъ и въ поводу повелъ и дядька за нимъ, а дорога все труднѣе становится; лѣсъ дремучій кругомъ, сучья за платье хватаютъ, корни ступить не даютъ, надъ лѣсомъ темная туча нависла, подъ деревьями темъ непроглядная. Еле бредутъ они; немного погодя упалъ старикъ, вернулся къ нему княжичъ, поднялъ его, но самъ чувствуетъ, что не устоитъ,—обоимъ, видно, конецъ приходитъ... И протянулъ онъ руки впередъ и въ безысходной мукѣ и предсмертной тоскѣ воскликнулъ: „Царевна-Счастье, гдѣ же ты? Отзовись“... и упалъ обезсиленный. Въ ту же минуту толкаетъ его дядька, поднять старается: „взгляни-ко, князь, тамъ свѣтъ“... И подлинно взглянулъ

княжичъ,—даль просвѣтлѣла—лѣсу конецъ, и чѣмъ дальше, ярче свѣтъ разливается. Напрягли они послѣднія силы свои и вышли на опушку. Что за диво? И лѣсъ, и туча, и тѣма все позади осталось... Надъ ними широко раскрывается ясное небо, солнечные лучи льются яркіе, ласкающіе... Усталости какъ не бывало, даже кони бодрѣе стали. Глядятъ они въ даль и налюбоваться не могутъ; сколько глазъ охватываетъ, раскинулись изумрудныя поля и темныя дубравы, и катятся по нимъ серебристыя рѣчки и ручейки, въ воздухѣ звучитъ пѣніе птицъ, и ароматъ цвѣтовъ несется навстрѣчу. Замерло сердце княжича отъ радости, повеселѣлъ старикъ. Оглядѣлись они и видятъ въ сторонѣ сидитъ на землѣ какой-то убогенькій и одежда на немъ ветхая и на костылѣ онъ, а самъ такой веселый, радостный. Подошли они къ нему, разспросили. „У меня ничего нѣтъ,—говоритъ убогенькій,—да мнѣ ничего не надо; я счастливъ“. Подивился княжичъ,—„да ты откуда?“ „Я оттуда, изъ страны счастья, я и самое царевну своими очами видѣлъ. Съ меня довольно, и этого счастья мнѣ по конецъ жизни хватить“... Не понялъ этого княжичъ, переглянувшись съ дядькой, и тронулись они дальше въ путь, въ ту сторону, куда убогенькій рукой показывалъ. А чѣмъ дальше, тѣмъ диковиннѣе казалась страна, начали попадаться и маленькія хижины и большія палаты, попадались люди, и вездѣ одинаково свѣтились радостью и счастьемъ ихъ лица, весельемъ звучали ихъ пѣсни; маленькія дѣти кружились на полянахъ среди цвѣтовъ и веселымъ рикомъ вторили пѣнью красивыхъ птичекъ. Въ воздухѣ, напоенномъ ароматами, слышалась нѣжная музыка, какъ будто гдѣ-то далеко звучали невидимыя струны...

Сердце княжича билось такъ, словно хотѣло вырваться, грудь не вмѣщала полноты дыханія, а старый дядька, казалось, помолодѣлъ. Дальше!.. Дальше!.. Въѣхали они въ дивной красоты городъ, широкая, убранная цвѣтами дорога вела прямо ко дворцу царевны. Все сіяло вокругъ небывалымъ блескомъ, и мраморъ, и золото, и самоцвѣтные камни, и все было перевито роскошными гирляндами цвѣтовъ. Оглядѣлся вокругъ князь и показалось ему, что весь міръ принесъ сюда лучшіе дары свои. А вотъ и сама царевна выходитъ навстрѣчу стройная, какъ лилія, неземной красоты, вся сверкающая въ солнечныхъ лучахъ, и лучи тѣ запутались въ чудныхъ золотистыхъ волосахъ, что падали до самой земли; горный снѣгъ могъ позавидовать бѣлизнѣ ея тѣла, нѣжный пурпуръ утра игралъ на щекахъ ея, кораллъ и жемчугъ, каза-

лось, спорили на устахъ ея. Въ дивныхъ свѣтлыхъ одеждахъ окружали ее приближенныя дѣвушки, и взоры не могли остановиться хотя на одной изъ нихъ, — такой невиданной красотою всѣ сіяли онѣ. Глянулъ княжичъ въ очи царевны, и несказанный восторгъ охватилъ его. И переполнилось сердце великимъ счастьемъ, и палъ онъ передъ нею на мраморъ ступеней и повѣдалъ пылающей рѣчью всѣ мечты, всѣ надежды, всѣ муки, что носилъ въ себѣ, и сказалъ онъ ей, что только въ ней все счастье его и безъ нея нѣтъ жизни для него; что только она озаритъ печальный закатъ дней его отца и матери, что только ею и оживетъ родная страна его. Долго слушала царевна горячую рѣчь и когда смолкъ онъ, словно облачко скользнуло по ея лицу и заговорила она. И голосъ ея звучалъ небесной музыкой и слышались въ немъ и нѣжность, и состраданіе и строгость величаяя. „Добро, князь, я вѣрю тебѣ, ты долго искалъ меня, но ты, какъ другіе, не понималъ многое. Ты также, какъ и многіе искалъ и нашелъ меня, но, какъ и они, пришелъ съ одними желаніями, что принесъ ты съ собою? чѣмъ хотѣлъ ты взять царевну-Счастье? Нѣтъ, князь, не могу тебѣ отдать руку свою, не пробудилъ ты любовь мою, не овладѣлъ сердцемъ моимъ — иди... Ищи пути къ счастью, ихъ много и одинъ изъ нихъ твой. Ты достоинъ его“. Сказала, и все стало тихо, безсильно опустилъ голову княжичъ, потускли очи его, тяжело поднялся онъ, низко, низко поклонился царевнѣ и оставилъ ее. Кликнулъ онъ дядьку своего и поѣхалъ обратно. Глубокая печаль легла на сердце его, и не зналъ старый дятка, что присовѣтовать, чѣмъ утѣшить своего любимого княжича и готовъ былъ за это старый свою жизнь отдать. Вернулся князь къ дружинѣ своей, то великая радость для нихъ была, ужъ не чаяли они видѣть его. Не даютъ покою думы княжичу. Какъ добыть царевну-Счастье прекрасную? Непрестанно чудится ему дивный образъ ея, слышится звукъ рѣчей ея, и вновь запылало сердце его, и возгорѣлась надежда. „Да не права ли царевна“, думалъ онъ, „съ чѣмъ я явился къ ней? такъ ли приходятъ за своей суженой? принесъ ли я дары, достойныя ея? Не явился ли я просто бродягой, бездомнымъ нищимъ?“ Весь ожилъ княжичъ, кликнулъ онъ вѣрную дружину и повѣдалъ ей затѣю свою, мигомъ на коняхъ всѣ были, и направились они въ страны далекія восточныя. И пролежала передъ ними дорога широкая и вѣрилъ княжичъ, что ведетъ она къ счастью; глядя на него, и дружина вѣрила. Только старый дятка качалъ головой и сердце его чуяло, что не та дорога, да боялся сказать, не хотѣлъ огорчать любимого княжича.

Много по пути пристало къ нимъ людей, вольныхъ ратниковъ, выбиралъ княжичъ изъ нихъ могучихъ и храбрыхъ и увеличилъ ими войско свое. И кинулся онъ громить царства восточныя изъ края въ край, до предѣловъ Индіи. Огненнымъ мечемъ прошелъ онъ по бусурманскимъ землямъ, всюду бралъ дань непомянутую, бралъ въ полонъ, отпускалъ за великіе выкупы, все, что ни есть лучшаго взялъ онъ съ восточныхъ странъ,—что издавна сокровищами славились. И собралъ онъ и золота, и серебра, каменье въ самоцвѣтныхъ, тканей драгоценныхъ видимо невидимо, все думаетъ сложить къ ножкамъ царевны-Счастья... И вотъ потянулись къ царству счастливому караваны безконечные, глазомъ нельзя охватить, словно цѣлое государство двигалось: впереди вели дивныхъ коней арабскихъ и всякихъ животныхъ ручныхъ, несли птицъ красоты невиданной. Стонъ и топотъ стоялъ въ воздухѣ, нескончаемый звонъ колокольчиковъ и бубенчиковъ,—то покачиваясь шли верблюды, дорогими тканями нагруженные. Земля дрожала отъ тяжелаго топота слоновъ, что несли на себѣ груды золота, серебра, камней, жемчуга. Пыль дрожала надо всѣмъ, словно облако, солнце меркло въ ней и огненнымъ шаромъ казалось. Самъ молодой князь съ дружиной золотомъ, камнями залиты; набралъ князь плѣнныхъ шейховъ въ свиту къ себѣ и ко дворцу царевны явился съ пышностью властелина восточнаго. Вышла къ нему царевна, какъ и первый разъ, собой напоминала лилію нѣжную, окружена красавицами дивными. Сложилъ князь къ ногамъ ея всѣ богатства, сокровища свои и промолвилъ: „Полюби меня, царевна-Счастье! Мнѣ не жить безъ тебя, бѣлый свѣтъ мнѣ кажется темною могилой“... Словно тучка пронеслась по лицу прекрасной царевны, еще строже, чѣмъ въ первый разъ, зазвучалъ ея голосъ: „Ты ошибся, князь. Не нашелъ ты пути настоящаго, развѣ купецъ ты, что явился сюда съ товарами? Подобаешь ли рыцарю мыслить такъ? Не подумалъ ли ты, что можно купить счастье сокровищами твоими, у другихъ, силой отнятыми? Не подумалъ ли ты, что нуждаюсь въ подаркахъ твоихъ? Оглянись кругомъ, князь, скажи, что видишь ты?“ и лилейной рукой повела она вокругъ и открылись очи князя, словно пелена спала. И увидѣлъ онъ всюду, куда глазъ хватаетъ подвалы глубокіе, кладовыя великія раскрылись передъ нимъ, переполнены сокровищами несметными, и еще яснѣе стало и увидѣлъ онъ, что все, что ни есть вокругъ—и полъ, и стѣны, и зданіе—изъ такихъ драгоценностей, что цѣны имъ нѣтъ. И показались тогда

ему свои дары жалкими, ничтожными и самого себя увидѣлъ онъ торгашомъ бѣднымъ. Ничего не сказалъ онъ ей въ отвѣтъ, только ниже опустилъ опечаленныя очи. „Подобаешь ли тебѣ, — продолжала царевна, — твоими сокровищами гордиться? Въ нихъ ли слава твоя? князя, витязя? Нѣтъ, не пробудилъ ты сердце мое, не любъ ты мнѣ. Иди, ищи свой путь къ счастью“... Грустнымъ взоромъ окинула его царевна и оставила. Бросилъ тогда князь всѣ сокровища свои, взялъ дружину съ собой и покинулъ страну счастливую. А сердце его разрывалось съ тоски, еще милѣе была ему царевна прекрасная. Какъ добыть ее? Гдѣ тотъ путь найти? И загорѣлось вновь надеждой сердце въ немъ и припомнились ему слова царевны: „не въ сокровищахъ слава твоя“... „Ты права, царевна, подумалъ онъ, та слава купеческая, а нужна мнѣ слава витязя непобѣдимого воителя, и ее принесу къ ногамъ твоимъ и возгордишься ты мною и пробудится сердце твое“... И кинулся тогда княжичъ на далекій западъ и дорога шла туда трудная, полная опасностей. Только старый дядька качалъ головой, не вѣрилъ онъ, что дорога та къ счастью. И ринулся княжичъ въ кровавые бои и не было ему въ мірѣ по силѣ и смѣлости равнаго. Не было войска, не было витязей, богатырей, чтобы могли устоять противъ него и изумился міръ такому витязю. Словно Божій гнѣвъ шелъ онъ по далекому западу, и царства склонялись къ его ногамъ, и весь міръ дивился его непобѣдимости, и слава гремѣла о немъ, гуслари и трубадуры прославляли въ пѣсняхъ его. Могушественный, гордый явился онъ ко дворцу своей любимой царевны. Но еще строже, еще печальнѣе было ея дивное личико и рѣзче звучала ея рѣчь: „Не понялъ ты меня, князь. Коли рѣшилъ прельстить меня боевой твоей славой, и слава твоя куплена кровью и слезами другихъ, и славятъ тебя не пострадавшіе. Спроси пораженныхъ и обездоленныхъ тобою, и слава замѣнится проклятіями и именемъ твоимъ будутъ пугать дѣтей. Тяжело носить вѣнецъ такой славы, онъ тяжело давитъ голову, мнѣ не по силамъ былъ бы онъ. Нѣтъ, не пробудить тебѣ сердце моего, не найти любовь, а отнять ты ее можешь. Не нашелъ ты пути къ счастью. Прощай, князь“... И стало тихо. Какъ ошеломленный, стоялъ князь, и жгучій стыдъ охватилъ его; понялъ онъ, что потерялъ ее, и неслыханныя муки охватили все существо его. Себя не помня, вскочилъ онъ на коня, крѣпко сжалъ бока гордаго скакуна и, какъ безумный, помчался прочь. И дружина едва поспѣвала за нимъ. Охватило его отчаяніе, каза-

лось, окаменѣло сердце въ немъ и кинулся онъ въ кровавыя потѣхи, разилъ онъ и праваго и виноватаго, смерти искалъ онъ, и она миновала его. Хотѣлъ онъ забвенія и оно не пришло къ нему. И въ кровавомъ туманѣ сраженій видѣлся ему чудный лилейный кроткій образъ царевны. И звуки мечей не могли заглушить звукъ ея дивнаго голоса, и бросился онъ тогда въ дикія пиршества, безумныя потѣхи, но на днѣ выпитыхъ чаръ не было забвенія. Хмѣльной туманъ не могъ заслонить прекраснаго образа царевны и музыка рѣчи ея звучала сильнѣе струнъ гуслировъ и звона чаръ безумнаго пиршества. И понялъ князь, что никогда не забыть ему ея, что гдѣ бы онъ ни былъ, онъ будетъ носить ее въ сердцѣ своемъ до конца жизни, и нѣтъ ему облегченія. Отчаяніе охватило душу его и хмѣль затмилъ свѣтлый разумъ и дико воскликнулъ онъ: „Когда такъ, силой возьму свое счастье“... Съ обнаженнымъ мечемъ вскочилъ онъ на коня и помчался, не разбирая дороги, и за нимъ мчалась дружина его, обезумѣвшая въ пирахъ и кровавыхъ бояхъ. И въ ужасѣ всѣ сторонились отъ нихъ. Съ дикими криками, сверкая мечами, неслись они и, казалось земля, стонала отъ боли, а небо надъ ними закрывалось мрачными тучами. И въ такомъ видѣ предсталъ онъ передъ дворцомъ царевны - Счастье. И вышла она къ нимъ и дивное личико ея было мрачно и грозно, сдвинулись соболиныя брови ея, а чудныя очи метали молніи. „Безумецъ!“ сказала она и звукъ ея голоса, какъ громъ неба приковалъ всадниковъ къ землѣ и прогремѣлъ до отдаленныхъ странъ. „И ты подумалъ взять силой счастье, котораго ты недостойнъ? Взгляни вокругъ. Мнѣ жалокъ ты съ твоей дружиной, съ своими сверкающими мечами“. И повела она вокругъ своей лилейной рукой и отверзлись глаза ихъ, и увидѣли они безчисленное войско на крылатыхъ коняхъ и оно заполонило землю и небо, и было оно въ сверкающихъ латахъ и одеждахъ. Блескъ мечей и копій, какъ небесный свѣтъ ослѣплялъ глаза, и по знаку царевны всѣ готовы были устремиться на нихъ. И не вынесли блеска этого люди, безуміе спало съ нихъ, и грянулись они на землю... И стало тихо...

Долго лежалъ князь, приникши лицомъ къ землѣ, и сердце его смягчилось и крупныя слезы орошали лицо его. А когда поднялся онъ, не увидѣлъ онъ ни царевны, ни дворца, ни города, ни всей страны счастья, ни ея безоблачнаго неба. Изумилась и поднявшаяся дружина. Дремучіе лѣса и степи окружали ихъ и сводъ неба потуск-

Война.

нѣлъ и затмился. Въ глубокой печали сѣли они на коней и тихо поѣхали въ свою сторону.

Вернулся на этотъ разъ князь къ себѣ на родину. Все такая же печальная была она. Свидѣлся онъ со своими стариками. Правда, великая радость была для нихъ увидѣть его живымъ, но свиданіе не на радость было... Вернулся княжичъ блѣдный и измученный, ни разу улыбка не освѣтила прекрасное лицо его. Не добылъ онъ царевну, не вернулъ счастья своему отцу, своей родинѣ... Не долго пробылъ онъ среди родныхъ — любимыхъ своихъ. Не давала ему покоя какая то тайная мука. И вотъ въ одинъ день одарилъ онъ богато свою дружину, попросилъ отца побережъ старика больного дядьку и, не смотря на горе и слезы отца и матери, оставилъ ихъ. Ничего не взялъ онъ съ собою, даже хлѣба въ дорогу, надѣлъ онъ смиренную одежду и медленно, ни разу не оглянувшись, побрелъ онъ въ даль...

Далеко, далеко, тамъ на берегу большой рѣки шумѣлъ дремучій боръ и вокругъ мѣста были дикія, непривѣтныя... Тамъ въ глуши, на лѣсной полянѣ была вырыта жалкая землянка, въ ней то и поселился молодой князь. Здѣсь вдали отъ людского взора, жилъ и работалъ онъ и труды его были только на то, чтобы одѣть и пропитать себя; онъ ни въ чемъ больше не нуждался, ему ничего не было надобно,—это была жизнь вѣчнаго труда, молчанія и глубокихъ думъ. Онъ не чувствовалъ своего одиночества, онъ жилъ со своими думами, со своими воспоминаніями, и онѣ освѣщали, оживляли его жизнь. Не правду ли говорилъ когда то убогенькій, что „тотъ, кто видѣлъ хоть разъ царевну-Счастье, отблескъ ея на вѣки будетъ носить съ собою“...

Раннее солнышко будило князя, врываясь въ землянку, онъ вставалъ, принимался за работу, за грубую крестьянскую работу; онъ ходилъ за землею, за растеніями, собиралъ сучья на топливо, носилъ воду, чинилъ свою ветхую одежду; вечеромъ усталый отъ трудовъ, ложился онъ на убогое ложе свое. И вѣчная тишина была вокругъ. Ночной вѣтерокъ пробѣгалъ надъ лѣсомъ и шумѣлъ вершинами; изрѣдка крики ночныхъ птицъ, отдаленный рокотъ рѣки; мѣсяцъ всходилъ надъ поляной, въ щели землянки ронялъ серебряные лучи свои. И диво дивное, — никогда въ минуты богатства и славы его, не было у него на душѣ такого покоя, того свѣтлаго чувства, съ которымъ засыпалъ онъ...

Иногда выходилъ онъ въ минуты отдыха изъ лѣсу, садился на высокомъ берегу, и Божій міръ широко раскидывался передъ нимъ,

глаза ласкали безконечныя зеленыя поля, темносинія дубравы, а надъ ними опрокинувшійся дивной красоты лазурный куполъ неба съ бѣгущими по немъ розовыми крылатыми облаками. И тогда мысль его уносилась далеко въ прошлое, туманъ времени разсѣивался передъ его глазами, и видѣлъ онъ, чудное сверкающее небо и дивную страну такъ ясно, что ощущалъ ароматъ цвѣтовъ ея, чувствовалъ, какъ всходилъ по мраморнымъ ступенямъ дворца, и чудилась ему царевна-Счастье и вся дивная красота вокругъ. И хорошо, радостно было на душѣ его, и по лицу скользилъ отблескъ счастья... Но были дни, когда духъ его слабѣлъ, сердце вновь страдало отъ мучительныхъ желаній, отъ потеряннаго счастья и тогда воспоминанія становились жгучими, терзали его душу и тѣло; въ безсиліи падалъ онъ тогда на землю, въ невыносимыхъ мукахъ и безъисходной тоскѣ терзался и бился онъ въ горькихъ слезахъ.

Время шло; въ одиночествѣ и тишинѣ шла жизнь его. Иногда цѣлыми часами задумывался онъ. Гдѣ же тотъ путь, котораго я не могъ найти? А сердце подсказывало ему, что онъ есть, конечно, не изъ тѣхъ что избиралъ онъ, и не тотъ, на которомъ онъ теперь. Однажды, весь уйдя въ воспоминанія, онъ по обыкновенію ясно видѣлъ царевну и слышалъ звукъ рѣчей ея и вдругъ громко, прозвучали слова ея: „Слава твоя куплена кровью и слезами другихъ. Поди и спроси пострадавшихъ и обездоленныхъ тобою, и слава твоя замѣнится проклятіями и слезами и именемъ твоимъ будутъ пугать дѣтей“... И въ первый разъ понялъ слова эти князь, словно завѣса какая спала съ его глазъ. Оглянувшись онъ на всю свою прошлую жизнь и до боли сжалось его сердце.

На другой день вмѣстѣ съ солнышкомъ поднялся князь и собрался въ дорогу, взявъ онъ съ собой только посохъ и хлѣбъ и пошелъ онъ къ людямъ. Не узнали люди, кто онъ такой; слышалъ онъ о себѣ только одну правду, и горько было ему, что люди ненавидятъ его, а дѣти пугаются его имени. И сталъ онъ ходить между ними и, какъ могъ, творить добро; безъ усталости работалъ и трудился онъ на слабыхъ и неимущихъ, ходилъ за больными и страждущими, приносилъ утѣшеніе умирающимъ, любилъ, ласкалъ дѣтей, охранялъ ихъ, училъ. И узнали его люди и оцѣнили свѣтлый разумъ его, призывали они его въ трудныя минуты, и онъ разбиралъ дѣла ихъ и училъ миру и добру. Время шло. Его, когда то грозное, имя стало забываться, дѣти и родители научились не проклинать и бояться его

имени, а жалѣть и прощать. Но за то его узнали всѣ и по всей странѣ шла слава о немъ. Когда же изнемогалъ онъ отъ трудовъ своихъ, шелъ обратно въ свою землянку и послѣ недолгаго отдыха опять возвращался къ людямъ. Шли годы. Однажды, усталый и измученный шелъ онъ къ себѣ на отдыхъ, путь былъ далекій, трудный, а когда сталъ подходить къ знакомымъ мѣстамъ, встрѣтилъ слѣплого старца, котораго велъ мальчикъ. Отъ голода и усталости обезсилили старикъ и ребенокъ, и лежали при дорогѣ. Подошелъ князь ближе, помогъ имъ подняться, принесъ воды, напоилъ ихъ, разломилъ пополамъ хлѣбъ свой и накормилъ ихъ. Пути ихъ лежали вмѣстѣ и князь, изнемогая самъ, поддерживалъ и велъ старика и ободрялъ ребенка. Когда же пришли къ рѣкѣ, за которой была землянка князя, онъ простился со старикомъ, съ трудомъ переправился черезъ рѣку и побрелъ къ своему лѣсу. Погода была бурная, сильные дожди переполнили рѣку, ревя и бушуя, неслась она, покрытая клочьями пѣны и вдругъ пришло на мысль князю: „а что какъ слѣпой съ ребенкомъ вздумаютъ переправляться черезъ рѣку“? и такъ страшно ему стало, что какъ ни усталъ онъ, а немедля ни минуты бѣгомъ кинулся обратно и тамъ на берегу, задыхаясь, отъ усталости увидалъ онъ, что пришелъ во время. Видитъ онъ, что старикъ еще на томъ берегу и мальчикъ посохомъ нащупываетъ бродъ въ рѣкѣ; громко закричалъ имъ князь, но было поздно, — попалъ мальчуганъ на глубокое мѣсто, закрутила его волна и понесла съ собою и прозвучалъ жалобный крикъ слѣплого и ребенка. И кинулся князь съ высокаго берега въ воду и какъ ни измучено было тѣло его, вспыхнула въ немъ былая богатырская мощь и смѣло разсѣкалъ онъ бушующія волны, освирѣпѣвшая пѣна отталкивала, относила его, бросая въ лицо клочья пѣны. Съ нечеловѣческимъ усиленіемъ добрался онъ до тонущаго совсѣмъ мальчика и крѣпко схватилъ его, только къ берегу пристать не удавалось ему, десятки разъ волны отбрасывали его, не хотѣла рѣка отдать жертву свою; вся въ крови рука князя изранена объ острые прибрежные камни, все тѣло его избилось, ударяясь о нихъ, но ребенка берегъ онъ. И чувствуетъ, что силы начали измѣнять ему и что самъ гибнетъ онъ. Могъ бы онъ спастись, если бы дитя изъ рукъ выпустить... Послѣдній разъ собралъ онъ силы, всей мощью боевой руки вѣпился онъ въ скалу, и на этотъ разъ, отхлынула безсильная волна и остался онъ на берегу. Когда пришелъ въ себя, видитъ—ребенокъ цѣлъ и невре-

димъ; отнесъ онъ его къ старику, который въ отчаяніи на берегу лежалъ, не далъ онъ имъ благодарности высказать, указалъ имъ иную дорогу, отдалъ имъ свой послѣдній размокшій кусокъ хлѣба, а самъ чувствуетъ, что надорвались его послѣднія силы... Скорѣй домой... Съ трудомъ поплелся онъ, падалъ и снова подымался, ползкомъ добрался онъ до своей землянки и легъ на убогое ложе свое. Настала ночь; тѣло его горѣло, какъ въ огнѣ, въ глазахъ сверкали яркіе круги, въ горлѣ пересохло, но некому было подать ему воды. И всю ночь метался князь, преслѣдуемый видѣніями, вскрикивалъ какъ будто продолжалъ бороться съ холодными волнами рѣки, а то чудились ему бывшія сраженія. Настало утро: солнышко заглянуло въ землянку, но князь не вставалъ. Не надолго приходилъ онъ въ себя, дико блуждали воспаленные глаза его, безсознательно скользили они вокругъ и снова погружался онъ въ забытие и такъ прошелъ день и настала опять ночь; но она не принесла облегченія, на минуту просвѣтлѣлъ разумъ его и понялъ онъ, что приходитъ ему конецъ и вся прошлая жизнь прошла передъ его глазами. Гдѣ же тотъ путь?... И вперилъ онъ огненный взоръ свой въ тьму и, диво-дивное... Чудится ему: тьма землянки разсѣивается и это уже не лунные просвѣты, а яркое солнце и лучи его играютъ на позолотѣ, стѣны землянки раздвигаются въ ширь и превращаются въ дворецъ изъ золота и мрамора, черный потолокъ поднимается въ вышину, свѣтлѣетъ, чудные лазурные своды надъ нимъ усыяны звѣздами изъ самоцвѣтныхъ камней, а солнце все разсыпаетъ свои лучи, грѣетъ его, вливаетъ жизнь въ его измученное тѣло, и дивная далекая музыка лелѣетъ слухъ его, ароматомъ напоенъ воздухъ. И видитъ онъ передъ собой ту же лѣстницу изъ мрамора и золота и склонились надъ ней по сторонамъ роскошные цвѣты и распахнулись предъ нимъ драгоцѣнныя двери, ослѣпительный свѣтъ ворвался въ нихъ, и вотъ идетъ она, царевна-Счастье, въ блистающихъ одеждахъ и съ нею подруги ея красоты невиданной; радостью сіяетъ чудное личико царевны и взглянула она на князя съ несказанною нѣжностью и любовью. А неизмѣримое счастье наполнило грудь князя и чувствуетъ онъ, что болѣзни его, слабости, какъ не бывало. Вернулась къ нему прежняя богатырская сила, и всталъ онъ со своего смертнаго ложа и пошелъ на встрѣчу желанной, и ничто не смущало его, ибо на немъ было не рубище ветхое, а одежды златотканныя, драгоцѣнными камнями усыпанныя. И опустился онъ передъ царевной на

колѣни; подошла она и сказала: „Встань, князь, не пригоже тебѣ теперь склоняться передо мною“... И подарила его безконечно ласковымъ взглядомъ и вспыхнуло зарей ея чудное личико и тихо и нѣжно говорила она: „Приди ко мнѣ... Давно я жду тебя желанный мой, пробуди: ты сердце мое, твое оно... Для тебя лишь бьется горячо.... любовь ты мнѣ больше свѣта бѣлаго“... И звучала рѣчь ея дивной небесной музыкой. Такъ стояли они, взявшись за руки, а вокругъ все ликовало и радовалось. Громче звучали невидимыя струны, неслись звуки колоколовъ серебряныхъ, гремѣли крики хвалебные, — такъ чувствовала страна счастье жениха съ невѣстой...

Оглянулся вокругъ князь и открылась передъ нимъ даль красоты несказанной... Что за диво? Гдѣ же скалы, лѣса вида дикаго?.. „Вотъ что счастье съ ними сдѣлало“ ...тихо чудная царевна промолвила. И вспомнилъ князь тутъ свое княжество печальное, отца матушку тоскующихъ и потянуло его въ родную сторону... Ласково улынулась ему царевна свѣтлая, повела передъ собою рукою лилейной и увидѣлъ князь, что готовъ поѣздъ свадебный съ царской пышностью изукрашенный, путь дорога цвѣтами усыпана...

Такъ вѣзжалъ князь съ царевной въ свое княжество. Встрѣчали ихъ князь-отецъ съ княгинею, а вокругъ шумѣлъ ликовалъ народъ... Къ нимъ вернулся молодой князь и съ нимъ была царевна-Счастье...

Къ вечеру ужъ горѣли огни потѣшныя, гремѣли трубы звонкія, шумѣлъ пиръ свадебный и не было во всемъ княжествѣ лица печальнаго...

Сонъ ли, явь ли то была тотъ сказать можетъ, кому вѣдомо? Давно это было, такъ давно, что старики сказать не могутъ и видѣли то эти разрушенныя стѣны и этотъ мѣсяцъ, который также какъ и тогда серебрянымъ шитомъ величаво плылъ въ темной синевѣ, рассыпая серебряныя лучи, и звѣздочки уступали дорогу ему...

Н. Денисовъ.

Крысы и шкурки.

Находчивость, осторожность и умѣніе употребить на пользу даже самые ничтожные предметы составляетъ достойную удивленія и похвалы черту японцевъ. Вотъ вамъ примѣръ.

Въ 1904 году, когда японскимъ солдатамъ, воевавшимъ въ Манчжуріи, доставлена была зимняя одежда, то между ватными шинелями, одѣялами, и другими теплыми вещами, находилось нѣсколько сотъ тысячъ наушниковъ, сработанныхъ изъ шкурокъ крысъ. Этой присылкой были поражены даже сами предводители японскихъ войскъ: они недоумѣвали, откуда правительство набрало такую массу крысъ, чтобы имѣть возможность снабдить всѣхъ своихъ солдатъ такими мягкими и удобными наушниками.

Оказывается, что за два года до описываемаго событія, по всему берегу Китая свирѣпствовала чума. Чтобы уберечь свою страну отъ этой ужасной эпидеміи, карантинное начальство Японіи повело ожесточенную войну противъ крысъ. Во всѣхъ портовыхъ и большихъ городахъ оно выдавало вознагражденіе за каждую доставленную крысу. Маленькіе мальчики, обрадованные возможностью тоже зарабатывать деньги, съ большимъ рвеніемъ принялись за дѣло, и предпріятіе это сразу достигло огромныхъ размѣровъ.

Каждая крыса заносилась въ книгу и подвергалась тщательному изслѣдованію. Помѣчалось также мѣсто ея поимки. Если изслѣдованіе давало поводъ къ малѣйшему подозрѣнію, то немедленно приступали къ дезинфекціи того строенія въ которомъ жила эта крыса, и уничтожали остальныхъ ея товарищей, а иногда даже срывали всю постройку. Такимъ образомъ удалось спасти Японію отъ чумы.

Между тѣмъ крысы и шкурки не бросались: уже и тогда угрожала война и наушники могли бы понадобиться.

Всѣ эти шкурки подверглись тщательной очисткѣ и добросовѣстной дезинфекціи; затѣмъ изъ нихъ сдѣлали теплые наушники, которые дѣйствительно оказали огромную услугу японскимъ войскамъ.

Шурино несчастье.

Утромъ, едва только Шура открылъ глаза, какъ ему сдѣлалось удивительно весело, — весело, какъ никогда. Окна комнаты, гдѣ онъ спалъ со своимъ братомъ Володей, были настежь открыты и въ нихъ, вмѣстѣ съ цѣлымъ потокомъ горячаго лѣтняго солнца, врывался невообразимый шумъ и гамъ воробьевъ, щебетавшихъ за окномъ въ саду. Быстро вскочивъ съ постели, Шура подбѣжалъ къ окну и перевѣсилъ за подоконникъ. Онъ увидѣлъ въ вышинѣ, между зеленыхъ макушекъ сада, чистое синее небо, покрытое пушистыми бѣлыми облаками, на которыя Шура такъ любилъ смотрѣть, лежа, гдѣ нибудь въ густой травѣ и наблюдая, какъ прозрачное облако начинаетъ постепенно измѣняться, изъ большого и пухлаго становится вытянутымъ, длиннымъ и словно таетъ, насквозь пронизанное горячимъ солнцемъ. Погода была прекрасная и въ саду было такъ хорошо, что такъ и хотѣлось выпрыгнуть изъ окошка и побѣжать вприпрыжку по длинной, гладко выметенной липовой аллеѣ, на которую солнце бросаетъ, сквозь густую листву, замысловатый пестрый узоръ тѣней и свѣта, похожій на разосланное кружево. Шура поспѣшно разбудилъ брата и они вмѣстѣ начали одѣваться. Сегодня мужики будутъ ловить въ пруду неводомъ рыбу и они, конечно, тоже пойдутъ туда, и Петька съ Ванькой, ихъ хорошіе товарищи, прибѣгутъ скоро за ними.

— Шура, сбѣгай на скотный дворъ и вели кучеру запретъ для меня лошадь, — сказалъ папа мальчику, который только что кончилъ чай и готовился уже бѣжать къ своимъ товарищамъ.

— Сейчасъ, — откликнулся Шура и бѣгомъ бросился на улицу. По дорогѣ обратно Шура увидѣлъ огромный кустъ сирени, сверху до низу облитый душистыми свѣтло-лиловыми цвѣтами, въ которыхъ весело щебетала цѣлая стая воробьевъ, которые то покачивались на гибкихъ вѣточкахъ, то слетали внизъ, гдѣ кто то бросилъ имъ нѣсколько горстей овса. Веселые воробьи, должно быть, завтракали и такъ же, какъ и Шура утромъ, радовались и ясному небу, и солнцу, и лѣту, и аромату травъ и цвѣтовъ, несшихся отовсюду. Воробьи клевали зернышки и быстро щебетали что-то на своемъ звонкомъ, непонятномъ намъ языкѣ. Самъ не зная почему и ни о чемъ не ду-

мая, Шура поднялъ вдругъ лежащую на дорогѣ палку, размахнулся и изо всѣхъ силъ бросилъ ее въ воробьевъ. Воробьи съ тревожнымъ пискомъ, всѣ сразу, точно по командѣ, взвились вверхъ и мигомъ разлетѣлись кто куда. Шура громко засвисталъ и, очень довольный, что ему такъ ловко удалось напугать трусливыхъ воробьевъ, хотѣлъ ужъ бѣжать дальше, какъ вдругъ сердце его болѣзненно сжалось, и онъ остановился съ ужасомъ глядя подъ ноги. На травѣ, около него, судорожно скорчившись и закрывъ глазки, лежалъ маленькій сѣрый воробушекъ, на смерть подбитый его палкой. Онъ былъ еще живъ и на концѣ его желтоватаго клюва виднѣлась кровь. Онъ умиралъ. Минуту воробушекъ лежалъ неподвижно, потомъ вдругъ встрепнулся, затрепыхалъ крылышками и вытянулся.

Бѣдная, маленькая птичка никогда не будетъ больше щебетать свою простую, коротенькую пѣсенку. Голубое прозрачное небо, яркое солнце, — все вдругъ померкло и, точно туманомъ заволокло въ глазахъ Шуры. Ему вспомнилось вдругъ сегодняшнее утро и казалось, что это было давно, давно тогда, когда онъ былъ еще хорошимъ мальчикомъ и не убивалъ воробья. Теперь было все совсѣмъ другое, — все было гадко, противно. И въ то же время онъ чувствовалъ, что все могло бы быть попрежнему хорошо, если бы воробей не лежалъ мертвымъ а улетѣлъ бы вмѣстѣ съ другими.

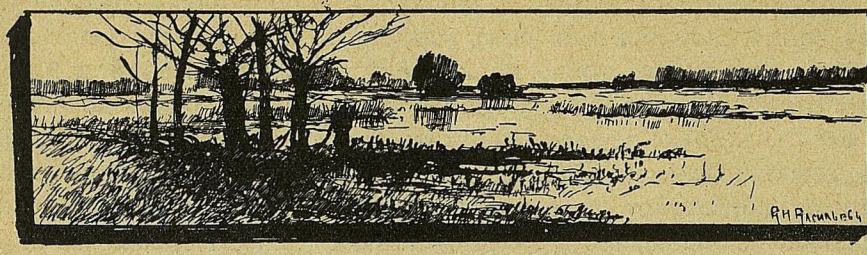
„И зачѣмъ это я бросилъ палку“, думалъ онъ, „и зачѣмъ это папа послалъ меня къ кучеру?“ Бѣдный воробушекъ! Шура поднялъ его, подержалъ на рукѣ и погладилъ растрепанные крылышки.

— Бѣдненькій, бѣдненькій! — шепталъ онъ, а слезы такъ и текли у него изъ глазъ.

Потомъ Шура положилъ воробья въ середину сиреневаго куста и пошелъ дальше. Ловить рыбу ужъ не казалось ему интереснымъ. Онъ шелъ по саду, глядѣлъ себѣ подъ ноги и ни о чемъ не думалъ.

„А вдругъ у него есть дѣти?“ вспомнилось ему. И Шурѣ ясно представилось, какъ крошечные, безпомощные воробушки съ широкими желтыми клювами, жалобно пищать гдѣ-нибудь въ гнѣздѣ подъ крышей, въ то время, какъ ихъ мать или отецъ лежитъ убитый въ сиреновомъ кусту. Шура поморщился, какъ отъ сильной боли и еще быстрѣе пошелъ впередъ.

динъ французскій журналистъ рассказываетъ объ интересной ручной обезьянкѣ, имѣвшей большое пристрастіе къ сладкому. Хозяину ея пришла въ голову мысль дать своей обезьянкѣ закупоренную бутылку, въ которую онъ положилъ кусокъ сахара. Что дѣлать? Не пососать ли изъ горла бутылки? Пробка мѣшается—вынуть ее невозможно, да и во внутрь не проткнешь. Надо какъ-нибудь ухитриться поймать сахаръ на лету! И обезьянка опрокидываетъ бутылку вверхъ дномъ, стараясь поймать сахаръ пока онъ пролетаетъ отъ дна до горлышка. Но все напрасно! Утомленная и обиженная безплодными усилиями, обезьянка, наконецъ, оставляетъ бутылку въ покоѣ. Но мозгъ ея, видимо, продолжаетъ работать надъ этимъ неразрѣшимымъ вопросомъ. Иногда ей приходятъ оригинальныя мысли и она опять принимается за свою головоломку: ощупываетъ бутылку, лижетъ, кусаетъ, вертитъ, визжитъ съ досады, щелкаетъ зубами... но и это не помогаетъ. Обезьянка то оживаетъ и снова принимается за работу, то падаетъ духомъ и отворачивается отъ такого подарка. Такъ мучилась бѣдняжка нѣсколько дней. Но вотъ, однажды, ей помогъ счастливый случай. Кто-то роняетъ со стола стеклянную вазу съ фруктами; ваза разбивается въдребезги и фрукты рассыпаются по всей комнатѣ. Мгновенно личико обезьянки озаряется торжествующей улыбкой. Она стремительно кидается къ непокорной бутылкѣ, вскакиваетъ съ ней на шкафъ, высоко поднимаетъ ее и со всѣхъ силъ бросаетъ на полъ. Затѣмъ, откопавъ сахаръ изъ-подъ осколковъ, она съѣдаетъ его съ большимъ аппетитомъ и съ чувствомъ собственного достоинства отходить отъ побѣжденнаго и разбитаго непріятеля.

Д. И. Менделѣвъ.

(Къ портрету).

20-го января текущаго года въ Петербургѣ скончался въ возрастѣ 73-хъ лѣтъ Д. И. Менделѣвъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ современныхъ ученыхъ не только Россіи, но и всего міра. Въ противоположность многимъ другимъ ученымъ, которые при своихъ изысканіяхъ ограничиваются одной какой-либо областью науки, покойный отличался тѣмъ, что его научная дѣятельность всегда поражала своей изумительной широтой и разносторонностью. Кромѣ того, его стремленіе постоянно было направлено къ тому, чтобы найти практическое примѣненіе для завоеваній и успѣховъ науки; онъ былъ практическимъ ученымъ, который при всѣхъ своихъ изслѣдованіяхъ имѣлъ въ виду и ихъ приложеніе къ жизни. Его пытливый умъ не переставалъ поэтому заниматься вопросами техники, имѣющими самое близкое отношеніе къ родной промышленности и торговлѣ. Государство оцѣнило его заслуги и стало пользоваться его обширными познаніями и громаднымъ опытомъ для устроенія нѣкоторыхъ областей хозяйственной жизни страны, и съ тѣхъ поръ начинается его государственная дѣятельность. Такимъ образомъ въ лицѣ Д. И. Менделѣева Россія потеряла великаго ученаго, выдающагося технолога и извѣстнаго государственнаго дѣятеля, слава котораго, особенно какъ геніальнаго химика, никогда не померкнетъ.

Дмитрій Ивановичъ Менделѣвъ родился 7-го февраля 1834 г. въ Сибири въ, гор. Тобольскѣ. Онъ посѣщалъ тобольскую гимназію и по окончаніи ея поступилъ въ педагогическій институтъ въ Петербургѣ, гдѣ съ 1850 г. изучалъ естественныя науки. Будучи еще студентомъ института, Менделѣвъ началъ свои ученые труды и однимъ изъ нихъ уже тогда обратилъ на себя вниманіе своихъ учителей. Обладая кипучей энергіей неутомимостью и настойчивостью въ преслѣдованіи намѣченныхъ цѣлей, молодой ученый по окончаніи курса въ институтѣ такъ усердно занялся научной работой, что его здоровье пошатнулось и его пришлось отправить на югъ Россіи. Побывавъ въ Крыму, онъ одно время состоялъ учителемъ гимназіи въ Одессѣ, откуда его въ 1856 г. пригласили въ качествѣ частнаго преподавателя въ Петербургскій университетъ. Здѣсь онъ посвятилъ себя своей любимой наукѣ — химіи, наукѣ о составныхъ частяхъ всѣхъ тѣлъ природы. Его слава росла, но тѣмъ не менѣе онъ все продолжаетъ учиться и совершенствоваться и въ 1859. гуѣзжаетъ за границу, въ старыи

германскій университетскій городъ Гейдельбергъ, гдѣ устраиваетъ собственную лабораторію и производитъ самостоятельныя химическія изслѣдованія. Наступаетъ блестящая пора научныхъ работъ. Въ 1863 г. его избрали профессоромъ петербургскаго технологическаго института, а спустя три года профессоромъ химіи въ петербургскомъ университетѣ. Въ 1890 г. онъ былъ назначенъ членомъ совѣта торговли и мануфактуръ при министерствѣ финансовъ.

Геніальный умъ Менделѣева сказывается во всѣхъ его научныхъ изслѣдованіяхъ и ученыхъ трудахъ. Онъ не только самъ сдѣлалъ цѣлый рядъ чрезвычайно важныхъ открытій въ области химіи, но и предсказывалъ открытія, сдѣланныя впослѣдствіи другими, указывалъ пути и способы для достиженія этихъ успѣховъ. На основаніи своихъ изысканій онъ предугадывалъ существованіе новыхъ, еще неизвѣстныхъ элементовъ, т. е. составныхъ частей тѣлъ природы, даже опредѣлялъ ихъ качества, а дальнѣйшія изслѣдованія и открытія подтвердили его предположенія. Въ 60-хъ годахъ онъ изучаетъ Бакинскіе нефтяные промыслы и свойства нефти и этимъ упрочиваетъ громадное развитіе и процвѣтаніе одной изъ важнѣйшихъ отраслей русской промышленности. Въ 1875 г. онъ отправляется въ Америку, въ штатъ Пенсильванію, для изслѣдованія тамошнихъ нефтяныхъ источниковъ. Затѣмъ онъ заинтересовывается воздухоплаваніемъ и въ 1887 г. одинъ поднимается на воздушномъ шарѣ во время солнечнаго затмѣнія, производитъ спокойно въ этой новой обстановкѣ научныя наблюденія и съ величайшей опасностью поправляетъ попортившіеся клапаны шара. Въ слѣдующемъ году онъ объѣзжаетъ Донецкій каменноугольный бассейнъ и даетъ цѣнныя указанія для лучшаго устройства каменноугольнаго дѣла. Россія ему обязана также упорядоченіемъ горной промышленности на Уралѣ. Далѣе онъ оказалъ весьма полезныя услуги военному и морскому министерствамъ при перевооруженіи нашей арміи и флота и при установленіи наилучшаго способа приготовленія бездымнаго пороха. По его почину были устроены главная палата мѣръ и вѣсовъ въ Петербургѣ и такія-же палаты во многихъ другихъ городахъ, въ которыхъ хранятся образцы единицъ вѣса и мѣръ и тщательно провѣряются имѣющіяся въ продажѣ единицы. Менделѣевъ оставилъ свыше 150 всевозможныхъ изслѣдованій, статей, книгъ и докладовъ.

Таковы заслуги этого ученаго, которымъ справедливо гордится русская наука.

Воздушные крейсера.

I. Два брата и ихъ бумажный шаръ.

Въ небольшомъ домикѣ, въ Авиньонѣ *) передъ очагомъ сидѣлъ, задумавшись человекъ и съ глубокимъ вниманіемъ слѣдилъ, какъ отъ тлѣющей золы причудливыми и вѣчно измѣняющимися облаками подымался дымъ и исчезалъ въ покрытой сажей трубѣ. Если бы кто нибудь въ эту минуту увидѣлъ его, то, навѣрное рѣшилъ бы, что это праздный, лѣнивый человекъ, рѣшилъ—и жестоко бы ошибся.

Это было въ тѣ отдаленные дни, когда соединенные полки всей Европы собрались въ надеждѣ изгнать англичанъ со скалистыхъ береговъ. Гибралтара; но всѣ попытки ихъ оставались тщетными. Положеніе этихъ безуспѣшныхъ военныхъ операций и заставило такъ призадуматься этого человека, про котораго мы сейчасъ говорили и котораго звали Іосифомъ Монгольфе.

„Если бы солдаты и матросы могли летать“, думалъ онъ, „задача была бы легкая“. Онъ внимательно поглядѣлъ на карту Гибралтарскихъ скалъ, лежавшую на столѣ возлѣ него, и замѣтилъ на ней нѣсколько мѣстъ, какъ-бы приспособленныхъ для стоянокъ летающего войска. „Но кто-бы могъ снабдить ихъ крыльями?“ Онъ снова перевелъ глаза на столбъ дыма, молчаливо, но упорно подымавшагося въ очагъ. Молчаливо? Іосифу Монгольфе, который уже съ нѣкоторыхъ поръ, день за днемъ, слѣдилъ за нимъ, казалось, что дымъ этотъ говоритъ ему что-то, учить его чему-то новому, чего онъ еще не въ состояніи понять. И вотъ теперь, глядя неотступно на облака дыма, онъ вдругъ все понялъ. Въ одинъ мигъ онъ вскочилъ съ кресла, отворилъ дверь и позвалъ свою хозяйку. Ему пришла въ голову такая богатая мысль, для выполненія которой ему понадобилось нѣкоторое количество легкой шелковой матеріи, называемой тафтой, и добрая хозяйка вскорѣ принесла ему небольшой кусочекъ. Когда она немного позднѣе опять вошла въ его комнату, то увидѣла, что изобрѣтатель держалъ тафту, которой онъ придалъ форму мѣшка, надъ огнемъ. По мѣрѣ того, какъ мѣшокъ этотъ наполнялся дымомъ,

*) Главный городъ въ Провансѣ, на Ронѣ, во Франціи.

онъ показывалъ явное стремленіе улетѣть, но лишь только онъ подымался выше дѣйствія на него пылающаго жара, какъ внезапно переворачивался и падалъ на полъ. Хозяйка нѣкоторое время молча наблюдала за этими опытами. Наконецъ она проговорила: „Господинъ Монгольфье, отчего бы вамъ не подвязать огонь къ самому мѣшку?“

Великій изобрѣтатель хоть и не подумалъ объ этомъ самъ, тотчасъ же собралъ, подвязалъ подъ мѣшочекъ немного горячаго матеріала и зажегъ его. Дымъ и тепло наполнили крошечный шаръ и онъ сразу взлетѣлъ подъ потолокъ. Нѣсколько минутъ спустя, нашъ ученый писалъ слѣдующее письмо:

„Приготовь безъ промедленія большое количество тафты и веревокъ и ты увидишь одно изъ удивительнѣйшихъ явленій въ мірѣ“.

Эта торопливая записка была послана на имя Этьена Монгольфье въ Аннонэ, близъ Ліона, но никогда ни одно требованіе не могло быть исполнено съ большей быстротой и точностью.

Этьена Монгольфье, такъ же, какъ и брата его, давно занимали мысли о способѣ подняться на воздухъ и, когда Іосифъ вернулся изъ Авиньона, они снова принялись за работу, съ большою надеждой на осуществленіе своей мечты. Будучи крупнѣйшими бумажными фабрикантами того времени въ Аннонэ, понятно, что они не терпѣли недостатка въ матеріалѣ для своихъ опытовъ. И когда опыты эти оказались неоднократно успѣшными, они рѣшились посвятить въ свой секретъ постороннюю публику. Рѣшено было на площади, публично, наполнить огромный шаръ, приготовленный изъ бумаги и тафты, и дать ему подняться на глазахъ всѣхъ желающихъ присутствовать при этомъ небываломъ зрѣлищѣ. Рѣшеніе это было приведено въ исполненіе 5-го іюня 1783 года, при большомъ стеченіи народа и мѣстныхъ знаменитостей.

На площади былъ оцѣпленъ большой кругъ, для того, чтобы удержать толпу на извѣстномъ разстояніи; посреди этого круга возвышалась деревянная платформа, приспособленная для помѣщенія заоблачнаго корабля и разведенія огня, который долженъ былъ снабдить его силою подъема. Никогда братья Монгольфье не имѣли столько хлопотъ, какъ въ это утро; но и жители Аннонэ никогда еще не переживали подобнаго волненія въ своемъ спокойномъ селѣ. Народъ собрался изъ далекихъ и близкихъ мѣстъ и жадно, хотя съ разнообразными ощущеніями слѣдилъ за приготовленіями, идущими

вокругъ таинственнаго возвышенія. Нѣкоторые стояли въ ожиданіи молча, другіе громко насмѣхались и острили. Оба брата, однако, совершенно не замѣчая ни похвалы, ни насмѣшекъ, вполне увѣренные въ предстоящемъ успѣхѣ, надзирали надъ своими немногочисленными помощниками и помогали окончить послѣднія работы.

Наконецъ, когда всѣ специально приглашенные гости собрались и были посажены въ припасенныя для нихъ кресла, одинъ изъ братьевъ произнесъ краткую рѣчь, въ которой объяснилъ, что зажжетъ сложенные внутри платформы рубленную солому и шерсть; полученный такимъ образомъ дымъ дастъ самый подходящий для подъема на воздухъ газъ. Эти ученые братья только еще отчасти познали истину, иначе они не сомнѣвались-бы въ томъ, что теплота, а не дымъ подымаетъ бумажный мѣшокъ.

Поднесли зажженный фитиль къ соломѣ, запрыгали желтые языки пламени и дымъ, проходя черезъ отверстіе въ платформѣ, сталъ проникать въ открытый конецъ глобусовиднаго мѣшка, до тѣхъ поръ покоившагося на подмосткахъ, въ видѣ плоскаго блина. Тотчасъ же на платформѣ стало расти нѣчто, похожее на куполь, затѣмъ на шаръ. Вокругъ стояли рабочіе; каждый изъ нихъ держалъ по веревкѣ, прикрѣпленной къ верхушкѣ бумажной оболочки. Веревки все болѣе и болѣе натягивались, по мѣрѣ того, какъ наполнялся шаръ и скоро стало трудно удержать ихъ. Но рабочіе получили строгое приказаніе не отпускать до условнаго сигнала. Когда, наконецъ, бумажныя стѣнки натянулись до полнаго своего объема, передъ глазами удивленныхъ зрителей предсталъ шаръ въ 110 футовъ въ окружности, безпокойно трепетавшій при каждомъ малѣйшемъ дуновеніи вѣтра, будто стараясь вырваться изъ своихъ путъ. Наконецъ дождались сигнала. Едва отпустили веревки, какъ огромный пузырь быстро взвился на воздухъ, сопровождаемый оглушительными рукоплесканіями. Во всѣ глаза толпа слѣдила за удивительнымъ полетомъ: все выше, да выше, все ближе, да ближе къ облакамъ, пока этотъ только что еще огромный предметъ не сдѣлался крошечной дѣтской игрушкой и, подхваченный теченіемъ воздуха, не скрылся изъ виду навсегда.

Таковъ былъ успѣхъ перваго корабля, вновь открытой навигаціи въ облакахъ. На мѣстѣ, съ котораго онъ былъ спущенъ, воздвигнутъ памятникъ, на которомъ высѣчены имена двухъ его строителей—Иосифа и Этьена Монгольфье—братьевъ, всегда работавшихъ вмѣстѣ,

раздѣлявшихъ другъ съ другомъ славу открытія, никогда не стара-
ясь выдвинуть свои личныя заслуги одинъ передъ другимъ?

Недавнія изслѣдованія указываютъ, что главная честь открытія
принадлежитъ Иосифу, старшему изъ братьевъ и, если вѣрить мно-
гочисленнымъ рассказамъ, изъ которыхъ одинъ приведенъ въ началѣ
этой статьи, мы должны также съ похвалой отозваться о той неиз-
вѣстной женщинѣ, которая сдавала комнаты въ Авиньонѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ну-ка разгадайте.

Загадки:

13. Довольно для одного, слишкомъ много для двухъ и ничто для
трехъ?
14. Когда въ пустомъ карманѣ бываетъ еще что нибудь?
15. Даетъ себя сжечь, чтобы тайну сберечь?
16. Почему покупаютъ новые сапоги?
17. Перебѣгаю черезъ дорогу, не бросая тѣни?
18. Чѣмъ больше отнимаете, тѣмъ больше становлюсь,

Редакторъ-издатель *Ж. М. Фиделли.*

МОСКВА.

Типо-Литографія Ю. Венеръ преemn. О. Фалькъ.

Петровка, Рахмановскій пер., д. Грачева.

1907.

Съ 1-го Декабря ОТКРЫТЬ
книжный магазинъ
„ОБРАЗОВАНИЕ“

Кузнецкій мостъ, д. Тверского подворья, № 11.

— ТЕЛЕФОНЪ № 99-05. —

Магазинъ снабженъ въ большомъ количествѣ книгами по общественнымъ вопросамъ, научно роскошно популярно иллюстрированными изданіями; большой выборъ дѣтскихъ книгъ для подарковъ. Ежедневное получение всѣхъ выдающихся новинокъ.

Книготорговцамъ книги отпускаются съ удержаніемъ 5%.

Пріемъ подписки на всѣ періодическія изданія.

